

Сухэ с тревогой во взгляде прикрыл дверь юрты, оставляя господина наедине с вождем.

Линь Чжаочжао поспешно опустил на лицо красное покрывало, напоминая самому себе, что сейчас он — лишь кроткая дева Линь Чучу, едва переступившая порог мужнего дома. Сделав глубокий вдох, он намеренно принял самый смиренный вид и присел на край ложа рядом с мужчиной.

Он не знал, чего ждать от Сюйлегезэра, и решил просто плыть по течению.

— Что мне теперь делать? — после долгого молчания медленно заговорил вождь. — Как полагается вести себя в брачном покое?

«Ну что за человек! Как можно спрашивать о таком прямо и грубо?!» Будь на месте Чжаочжао настоящая девушка, она бы наверняка сгорела со стыда от подобного бесстыдства. Линь Чжаочжао почувствовал, как к лицу приливает жар, но заставил себя сохранять спокойствие.

— На том подносе лежит золотой жезл. Прошу вождя использовать его, чтобы поднять моё покрывало.

Сюйлегезэр тихо отозвался и потянулся за жезлом.

Просить мужчину открыть свое лицо... Чжаочжао чувствовал себя так, будто он сам напрашивается на близость, всем сердцем желая этого брака. Он до боли закусил губу, мечтая лишь о том, чтобы земля разверзлась и поглотила его.

«Чего этот дикарь медлит? Будет он поднимать его или нет?!» Линь Чжаочжао в нетерпении сжал кулаки, и в тот же миг ткань соскользнула с его головы.

— Говорили, что ты — первая красавица столицы, — голос Сюйлегезэра дрогнул, когда он взглянул на сидящего рядом юношу.

Чжаочжао вздрогнул. Чувствуя на себе его жгучий взгляд, он опустил голову еще ниже.

— Вождь превозносит меня сверх меры... Я лишь... скромный цветок. Звание первой красавицы вряд ли принадлежит мне по праву.

— Разве есть в этом мире кто-то прекраснее тебя? — вполголоса спросил Сюйлегезэр.

— Наверное... есть, — Чжаочжао слышал, как гулко стучит в ушах его собственное сердце.

— Ты — самое прекрасное, что я видел, — Сюйлегезэр нахмурился, подбирая слова. —

Наложницы императора Ся не сравнятся с тобой. Они — лишь цветы в степи, а ты — луна, восходящая над миром.

В этих речах о «цветах» и «луне» было нечто от тех льстивых слов, что расточают девицам в веселых кварталах столичные франты. Однако из уст этого сурового воина они не звучали пошло. Сюйлегеэр говорил без выражения, голос его был ровным, а взгляд — чистым, лишенным того плотского огня, что обычно сопутствует лести. Он просто констатировал факт.

— Краснобай, — едва слышно пробормотал Линь Чжаочжао, чувствуя, как уши заливают пунцовая краска.

— Что значит «краснобай»? — вождь наклонил голову. Было видно, что тонкости языка Ся даются ему с трудом.

Чжаочжао осекся, не ожидая, что его услышат.

— Это... значит, что похвала вождя слишком велика, и я не достоин её.

Сюйлегеэр промолчал. Он почувствовал, что его не так поняли. Он не пытался льстить. Красивое — это красивое, безобразное — это безобразное. Он лишь сказал то, что считал истиной.

— Что дальше? — снова спросил он.

— Дальше... вино «Хэцзинь», — Чжаочжао отвел взгляд. — Мы будем пить? Вождь, на самом деле эти пустые обряды... их вовсе не обязательно соблюдать.

— Если девы твоей родины выходят замуж именно так, значит, и мы сделаем так же. — Сюйлегеэр помедлил. — Расскажи, что такое «Хэцзинь»?

— Для этого обряда горькую тыкву-горлянку разрезают на две части и наполняют вином. Муж и жена должны испить по глотку из своих половин.

— В чем смысл?

— «Два тела сливаются в одно, равные в чести и бесчестии, в горе и в радости», — голос Чжаочжао к концу фразы почти затих. — Смысл в том, что отныне двое делят одну судьбу, поддерживая друг друга в любых испытаниях.

— Делить одну судьбу, поддерживать в испытаниях... — повторил Сюйлегеэр, погружаясь в свои думы.

— Но лучше оставим это. В степи не найти такой тыквы, да и вина мы не готовили... — на сердце у Линь Чжаочжао стало беспокойно. В прошлой жизни они не совершали этого обряда, и теперь эта затея казалась ему странной и неловкой.

Это таинство предназначалось для супругов. Но он, во-первых, был мужчиной, а во-вторых... даже будь он девушкой, он оставался лишь игрушкой, присланной великой империей, чтобы умилостивить грозного соседа.

— Подойдет ли кумыс? — невозмутимо спросил Сюйлегээр.

— Э-э... да, подойдет, — Чжаочжао растерянно наблюдал, как вождь вышел наружу и вскоре вернулся, а следом за ним вошла женщина из Сюэди с двумя деревянными чашами.

— Если вкус тебе не знаком — не пей много, — Сюйлегээр сел рядом и первым взял чашу, собираясь осушить её одним глотком.

— Постой! — Линь Чжаочжао накрыл его ладонь своей.

Мужчина замер и вопросительно посмотрел на него.

— Ты действительно хочешь выпить со мной? — серьезно спросил Чжаочжао.

— Разумеется.

— Так не пьют. — словно решившись на что-то важное, Чжаочжао встал и перехватил широкий рукав своего алого наряда.

Взгляд Сюйлегэера невольно приковало к его открывшемуся запястью. Кожа там была столь белой и нежной, точно корень лотоса, только что извлеченный из воды. Казалось, стоит лишь чуть сильнее сжать эту тонкую руку — и она переломится.

— Вино «Хэцзинь» пьют вот так... — Ноги Чжаочжао мелко дрожали. Он не понимал, откуда в нем это волнение. Обычные люди в такую ночь томно смотрят друг другу в глаза, а он чувствует себя так, словно идет в атаку.

И зачем он только учит этого дикаря? Всё равно ведь это обман. Мог бы просто отмахнуться. Неужели в глубине души он и сам хотел?..

— Так? — Сюйлегээр, нахмурившись, повторил движение и переплел свою руку с рукой Чжаочжао.

— Да. Лишь вместе пригубив чаши, можно обрести благословение, — голос Чжаочжао звучал

куда спокойнее, чем было у него на душе. — Это сулит сто лет согласия.

— Хорошо.

Сцепив руки, они поднесли чаши к губам. Сюйлегеэр пил уверенно и быстро, Чжаочжао же с трудом проглотил пару глотков. Кумыс был терпким и кислым, с резким привкусом молока и едва уловимой сладостью. Но Линь Чжаочжао, преодолевая себя, осушил чашу до дна.

— Кхм... кхм!.. — вино обожгло горло, и Чжаочжао зашелся в кашле.

Сюйлегеэр тут же нахмурился и принялся осторожно похлопывать его по спине.

— Воды.

Через некоторое время Линь Чжаочжао пришел в себя.

— Благо... благодарю, — он принял чашку с теплой водой и украдкой взглянул на лицо вождя.

Раньше он не смел смотреть ему в глаза, вечно клонил голову, и только сейчас смог разглядеть его как следует. Черты лица Сюйлегеэра были резкими и глубокими, как у всех жителей степей. Густые брови, похожие на два меча, узкие пронзительные глаза, высокая переносица и тонкие губы. Даже когда он просто сидел, от него исходила аура суровой силы, не требующей лишних слов.

Сейчас он был тем самым «священным орлом» степей и живым кошмаром империи Ся. Именно таким и должен быть истинный владыка — полным жизни и мощи, а не тем угасшим призраком у могильной плиты.

Задумавшись о прошлом, Чжаочжао не заметил, что его пристальный взгляд заставил вождя занервничать: у Сюйлегеэра пересохло в горле, а сердце забилось чаще.

В юрте повисло молчание, прерываемое лишь сухим потрескиванием дров в очаге.

— Что теперь? — спросил Сюйлегеэр.

— А что... еще можно делать... — Чжаочжао отвернулся. Лицо его пылало, а шея стала пунцовой. — Пора... лечь спать.

Увидев, что Сюйлегеэр всё еще смотрит на него с немим вопросом, Линь Чжаочжао едва не взорвался от стыда. Как бы он ни убеждал себя стать другим, начать всё заново, он не мог заставить себя первым проявить страсть.

Однако его гневный тон прозвучал для мужчины как нежное кокетство красавицы. Это пробудило в сердце вождя такую нежность и жажду, что он готов был бросить к ногам этой «девы» весь мир.

— Ты... скажи хоть слово! — Чжаочжао защищался грубостью от собственного страха перед тем, что должно было последовать за этим.

Та ночь в прошлой жизни навсегда отпечаталась в его памяти. От воспоминания о той боли и странном восторге Чжаочжао невольно сжал колени. Юноша был изящен и хрупок: лицо как весенний цветок, брови — словно тушью писанные, а разругавшиеся щеки так и манили к себе.

Сюйлегеэр не выдержал. Его грубые пальцы коснулись нежной кожи, припудренной белилами, и медленно скользнули от скулы к шее. Это было сокровище, дарованное ему империей Ся, человек, пленивший его сердце с первого взгляда.

Перед свадьбой Сюйлегеэр разузнал о невесте: говорили, что дева Чучу не только добродетельна и кротка, но и искусна в музыке — никто в столице не играл на пипе лучше неё. Сотни талантливых юношей Яньцина добивались её руки, но она не удостоила взглядом ни одного.

Вождь считал себя невеждой. Он вырос в седле, охотился на волков и бил орлов в поднебесье. И пусть он с детства учил язык Ся и читал исторические хроники, в поэзии и изящных искусствах он не смыслил ничего. Он ожидал страха, ожидал презрения... но не этой тихой покорности.

Сюйлегеэр не был глупцом и понял намек Чжаочжао. Звериный инстинкт гнал его вперед, но он пытался сдержаться, пока не был уверен в чувствах своей избранницы. Однако совладать с молодым и горячим телом было выше его сил.

Когда рука мужчины легла на самое уязвимое место на шее, Линь Чжаочжао затаил дыхание. В голову лезли дурные мысли: он знал, что Сюйлегеэру ничего не стоит сломать ему шею одним движением. Но он застыл в позе «обреченного на смерть» вовсе не от страха за жизнь — он просто не знал, куда деться от охватившего его волнения.

«Ну что он тянет? Хочет — пусть берет, только быстрее! К чему эти ласки, от них только тяжелее на душе...» Чжаочжао зажмурился, чувствуя на лице жаркое дыхание мужчины.

«Ладно. Всё равно это случится не впервые. Если он хочет — пусть забирает. Считаю, это мой долг за те три года траура, что он носил по мне».

С этой мыслью Чжаочжао расслабился, готовясь безропотно отдаться на волю мужчины.

— Чучу... — раздался над самым ухом хриплый шепот.

Слова подействовали как ушат ледяной воды. Линь Чжаочжао мгновенно протрезвел.

— Пусти! — Он с силой оттолкнул Сюйлегээра.

Атмосфера близости разбилась вдребезги. Чжаочжао замер, отвернувшись и судорожно сжимая в руках подол своего платья.

— Я...

— Моя вина. Я едва не принудил тебя, — Сюйлегээр отстранился. — Не бойся. Если ты не хочешь — я не трону тебя.

«Я вовсе не "не хочу" и не "боюсь"!» — Линь Чжаочжао закусил губу, не зная, как объяснить свои чувства.

— Ты устала с дороги. Отдыхай, — Сюйлегээр поднялся и, не оглядываясь, вышел из юрты.

<http://bllate.org/book/13696/1441216>